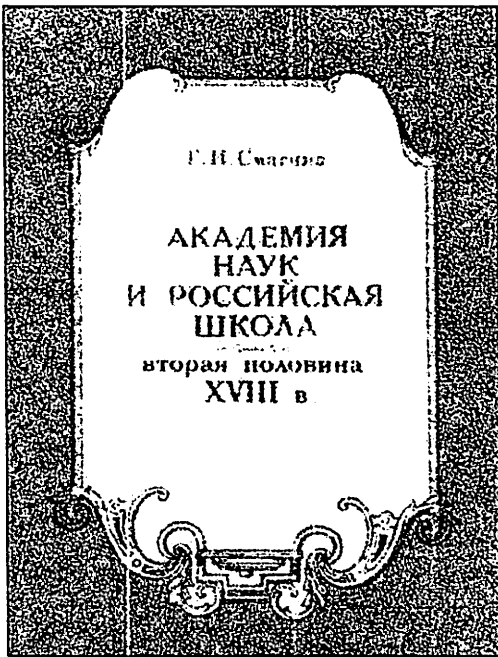

Смагина Г. И. Академия наук и российская школа (вторая половина XVIII в.). СПб.: Наука, 1996. — 166 с.

Изучению развития образования в России посвящена обширная литература. Однако в ней практически отсутствуют работы, которые позволяли бы уяснить роль в этом процессе Петербургской академии наук, особенно в период становления в стране системы школьного образования. Опубликованная литература ограничивается по сути дела обзором педагогических концепций того времени. И хотя Академия была мощным фактором в становлении русской культуры Нового времени, эта сторона ее деятельности почему-то не привлекала внимания историков. Приведенные в монографии Г. И. Смагиной архивные данные по истории школы в России являются совершенно новым материалом и существенно дополняют ранее опубликованные работы рядом конкретных данных о состоянии школьного образования в Санкт-Петербурге.

Значение реформы школьного образования 1780–1790-х гг. в России становится значительно понятнее, когда узнаешь, что во всех школах Санкт-Петербурга в 1780 г. было приблизительно 800 учащихся, в 31 церковной школе обучалось 320 учеников, в то время как 21 тысяча детей оставалась вне школы (с. 88 и далее). В опубликованной ранее литературе приводилось только число школ, имевшихся в то время в городе.

Смена типов культуры в России (от средневековой к культуре Нового времени) не была одномоментной, этот процесс растянулся на весь XVIII в., в течение которого утверждался новый идеал человека, в значительной мере секуляризованного, обращенного к «сему миру», работника и потребителя производимых благ. Рецензируемая монография раскрывает одну из сторон «механизма» этого процесса — просветительскую деятельность Петербургской академии наук. В монографии, пожалуй, впервые дан обстоятельный очерк проводимой в течение века работы по популяризации научных достижений того времени в различных журналах, публичных лекциях и литературе.

Выразительный итог такого рода деятельности приводит Г. И. Смагина, цитируя академика П. П. Пекарского, который отмечал неприязнь к научной литературе, проявляемую «старинным русским человеком», и изменение отношения к книге в русском обществе конца XVIII в., отмеченное в воспоминаниях академика А. Л. Шлецера (с. 23). Стоило бы только добавить, что русское общество того времени было сильнейшим образом социально и культурно стратифицированным. В недавно вышедшей книге В. М. Живова сложившаяся тогда ситуация образно описана так: «старообрядец продолжает читать Пролог и писать на гибридном церковнославянском, попавший в милость архимандрит имитировать красноречие

Прокоповича, подъячий наслаждаться Бовой и сочинять повести типа „Гистории королевича Архилабона“..., а Сумароков или Херасков перелистывать французские или немецкие журналы, еще, впрочем, точно не зная, что „народу мои творенья не понять“» [1, с. 67–68]. «Русское общество», о котором у Шлецера шла речь, было очень немногочисленным и сосредоточенным главным образом в двух российских столицах. Представляется, что процесс проникновения нового типа культуры в нижние слои русского общества, в котором нуждалось новое Российское государство, был интенсифицирован в известной мере той самой школьной реформой, участие в которой Петербургской академии наук исследует в своей монографии Г. И. Смагина. Что же касается распространения нового типа культуры в обширном российском пространстве, то здесь еще многое предстоит изучить.

Очень интересным представляется раздел монографии, посвященный изложению и анализу проектов школьной реформы, составленных членами Академии наук. Посвятив несколько абзацев проектам создания в России «широкой сети учебных заведений», предложенных в период петровских реформ, Г. И. Смагина вычленяет из них два, по ее мнению, ключевых предложения — введение трехступенчатой системы образования и создание административного органа, который должен руководить всем образовательным процессом. Вокруг них, считает автор, развернулась впоследствии «борьба за создание широкой сети народного образования» (с. 36). Соглашаясь с этим выводом по существу, нельзя не сказать, что целесообразнее применительно к данному случаю заменить слово «борьба» словом «процесс», которое более адекватно передает суть рассматриваемого явления. Не совсем понятно также, почему среди предлагавшихся в ту пору проектов не упомянуты предложения Ф. С. Салтыкова, изложенные в его «Пропозиции» [2, с. 54 и далее], ведь они были столь же грандиозными и утопичными, как и предложения В. Н. Татищева.

В работе Г. И. Смагиной рассмотрен также вклад в решение проблемы народного образования И. И. Шувалова — почетного члена Академии наук, государствен-

ного деятеля. Следует отметить, что в исторической литературе недавнего прошлого его личность оценивалась в основном негативно. Более объективная характеристика этого деятеля русской культуры появилась в недавних работах А. Б. Каменского и Е. В. Анисимова. Впервые детально излагая шуваловский «Проект об учреждении гимназий и школ в России», Г. И. Смагина показывает не только «типичный документ эпохи Просвещения», но и новую сторону деятельности этого, казалось бы, баловня судьбы, который, в отличие от великого множества себе подобных, был озабочен вопросами просвещения своего народа. Важно, что такой проект официально исходил от одного из влиятельнейших в России людей, что он взял на себя представление в Сенат этого проекта. В результате, как показано в монографии, началась работа по сбору сведений и соображений, которые помогли бы учредить в губерниях гимназии и школы.

Г. И. Смагиной удалось впервые собрать и опубликовать предложения академиков, составленные в 1760-х гг. Их изложение вводит в научный оборот ряд новых источников, необходимых в дальнейшем не только для исследований по истории педагогической мысли в России XVIII в., но и истории отечественной культуры. Представляется, однако, более целесообразным разделить эти предложения на те, которые относятся к структуре школьного образования, и те, которые касаются, например, состава изучаемых дисциплин, проблем воспитания и подготовки учителей и т. п.

Подобное пожелание можно отнести и к разделу, посвященному рассмотрению коллективного «Генерального плана гимназий или государственных училищ». Впрочем, этот раздел несет много новой информации, которая будет, без сомнения, чрезвычайно полезна всем, кого интересуют биографии деятелей русского просвещения — Т. И. фон Клингштедта, Д. Дюмареска, Ф. Г. Дильтея и других авторов «Генерального плана».

Необходимо заметить, что в немецкой литературе имелись публикации, дополняющие эту тематику, но они были недоступны автору монографии, так как, например, книга М. Вольтнера вышла в 1937 г. небольшим тиражом и даже в Германии стала библиографической редкостью [3].

Особое внимание Г. И. Смагиной вызывают обнаруженные ею в РГАДА четыре документа, по которым она восстанавливает «большой по размаху и очень продуманный вариант школьной реформы» Г. Ф. Миллера (с. 65 и далее). Вопреки распространенному ранее негативному отношению к нему некоторых отечественных (главным образом советских) историков, Миллер предстает деятелем государственного масштаба, способным понять нужды времени и предложить свои решения. Впрочем, в его предложениях достаточно очевидно просматриваются взгляды А. Ф. Бюшинга, с которыми Миллер познакомился, когда его младший сын обучался в известной в Петербурге немецкой гимназии Петершуле. В то время (с 1761 по 1765 гг.) ее директором был Бюшинг, а в попечительский совет входил Миллер[4]. Педагогические взгляды Бюшинга для своего времени были столь прогрессивными, что за короткое время его руководства этой гимназией Петершуле стала одной из ведущих школ России.

Во второй главе книги внимательно анализируется участие Академии наук в разработке концепции школьной реформы 80–90-х гг., в подготовке учителей и учебной литературы. Здесь автором также привлечен обширный архивный материал, впервые вводимый в научный оборот, а известные из уже опубликованной литературы сведения сводятся в единый контекст, из которого следует, что это участие оказалось необходимым, поскольку академики, как никто другой в России, были осведомлены об опыте европейского просвещения и заинтересованы в его осуществлении. Поэтому вполне обоснованным выглядят

слова академика С. И. Вавилова, приведенные Г. И. Смагиной в конце второй главы: «Почти все, что было достигнуто в области науки и образования в России в XVIII в., непосредственно или косвенно исходило из Петербургской академии наук».

Что же в итоге? Читатель, мы надеемся, уже понял, что рецензируемую книгу мы считаем новым словом в историографии раннего этапа развития высшего научного учреждения страны — Российской академии наук. Можно было бы только порадоваться, что появился автор, способный работать на высоком научном уровне, что книга станет известна всем, кому интересна и дорога история российской культуры. Но нерадостно что-то, когда, закрывая прочитанную с удовольствием книгу, наталкиваешься на цифру ее тиража, *horrible dictu*, страшно сказать — всего 260 экземпляров.

Список литературы

1. Живов В. М. Язык и культура России XVIII века. М., 1996.
2. Антология педагогической мысли в России XVIII века. М., 1985.
3. Woltner M. Das Wolgadeutsche Bildungswesen und die russische Schulpolitik. Teil I: Von der Begründung der Wolgakolonien bis zur Einführung des gesetzlichen Schulpflichtes. Leipzig, 1937.
4. Hoffmann P. Geographie, Geschichte und Bildungswesen in Rußland und Deutschland im 18 Jahrhundert. Berlin, 1995.

Э. П. Карнеев (Санкт-Петербург),
П. Хофман (Германия)

Владимир Иванович Смирнов (1887–1974) / Составители Г. П. Матвиевская, Е. П. Ожигова. Отв. ред. О. А. Ладыженская. СПб.: Наука, 1994. — 287 с.

В 1994 г. в научно-биографической серии вышла в свет книга о замечательном петербургском математике, академике Владимире Ивановиче Смирнове. Эту книгу с особенным нетерпением ждали в Петербурге, городе, с которым неразрывно связана его жизнь и где многие бережно хранят память о нем. Однако еще до выхода в свет издание было обречено стать библиографической редкостью, поскольку тираж его ничтожен — всего 200 экземпля-

ров. В продажу книга практически не поступала, и счастливых обладателей ее можно пересчитать по пальцам.

Рецензируемая работа — коллективный труд, увидевший свет благодаря настойчивым усилиям составителей — Г. П. Матвиевской и Е. П. Ожиговой, хорошо знакомым читателям своими предыдущими публикациями. Богатый биографический материал был собран ученицей В. И. Смирнова, академиком О. А. Лады-